

УДК 351.746.1-051(477.6)(092)«1937/1938»(045)

Джеффри Дж. РОССМАН *

**Дело Георгия Кочергинского:
роль ситуативных факторов в мотивации
«грубых нарушений социалистической законности»**

На примере расследования деятельности начальника дорожно-транспортного отдела ГУГБ НКВД Северо-Донецкой железной дороги Г. Кочергинского исследуется мотивация участия сотрудников госбезопасности в «Большом терроре» 1937–1938 гг. Указывается, что ситуативные факторы были важным фактором для участия сотрудников НКВД в массовой фальсификации дел, пытках подозреваемых и принуждении свидетелей.

Ключевые слова: НКВД, политические репрессии, ситуативный фактор, Донбасс.

Какие мотивы кроются за «грубыми нарушениями социалистической законности», фабрикацией дел, пытками подозреваемых, принуждением свидетелей к даче ложных показаний, совершенными сотрудниками НКВД во время сталинских массовых репрессий? Этот вопрос ставился не так часто, как можно было бы ожидать, принимая во внимание огромное количество работ о мотивации действий карателей в историографии случаев геноцида, прежде всего Холокоста¹. Исследователи реп-

* *Россман Джеффри Дж. (Jeffrey J. Rossman)* – ад'юнкт-професор історичного факультету Університету штату Вірджинія (США).

¹ Например, см.: *Browning C. Ordinary Men. Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland.* – New York, 1998; *Browning C. Nazi Policy, Jewish Workers, German Killers.* – Cambridge, 2000; *Goldhagen D. Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust.* – New York, 1996; *Bartov O. Hitler's Army: Soldiers, Nazis, and War in the Third Reich.* – New York, 1991; *Bartov O. The Conduct of War: Soldiers and the Barbarization of Warfare // The Journal of Modern History.* – 1992. – № 64. Supplement. – P. S32–S45; *Hilberg R. Perpetrators Victims Bystanders: The Jewish Catastrophe, 1933–1945.* – New York, 1993; *Westermann E. Hitler's Police Battalions: Enforcing Racial War in the East.* – Lawrence, 2005; *Gross J. Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland.* – Princeton, 2001; *Bauman Z. Modernity and the Holocaust.* – Ithaca, 1989; *Lower W. Hitler's Furies: German Women in the Nazi Killing Fields.* – New York, 2013; *Browder G. Perpetrator Character and Motivation: an Emerging Consensus? // Holocaust and Genocide Studies.* – 2003. – No 3 (17). – P. 480–97;

рессий тенденциозно фокусируются на высокопоставленных политических фигурах, как И. В. Сталин и Н. И. Ежов, на жертвах террора, или на роли общества в разжигании процессов, которые порой оборачивались «охотой на ведьм»². Хотя исследователи редко прямо заявляют об этом, создаётся впечатление, что существует мнение, что рядовые сотрудники НКВД выполняли приказы потому, что они были обучены это делать³. След-

---

Mann M. Were the Perpetrators of Genocide «Ordinary Men» or «Real Nazis»? Results from Fifteen Hundred Biographies // *Holocaust and Genocide Studies*. – 2000. – No 3 (14). – P. 331–66; *Roseman M.* Beyond Conviction? Perpetrators, Ideas and Action in the Holocaust in Historiographical Perspective // *Conflict, Catastrophe and Continuity: Essays on Modern German History* / ed. F. Biess, M. Roseman, H. Schissler. – Oxford, 2007; *Szejnmann C.* Perpetrators of the Holocaust: a Historiography // *Ordinary People as Mass Murderers: Perpetrators in Comparative Perspectives* / ed. Jensen O., Szejnmann C. – New York, 2008; *Matthas J.* Historiography and the Perpetrators of the Holocaust // *The Historiography of the Holocaust* / ed. Stone D. – New York, 2006. – P. 197–215.

² Например, см.: *Conquest R.* The Great Terror: A Reassessment. – Oxford, 1991; *Хлевнюк О.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. – М., 1992; *Он же.* Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. – М., 1996; *Rees E.* Stalin: Architect of the Terror // *The Anatomy of Terror: Political Violence under Stalin* / ed. J. Harris. – Oxford, 2013. – P. 49–65; *Getty J., Naumov O.* The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. – New Haven, 1999; *Getty J., Naumov O.* Yezhov: The Rise of Stalin's «Iron Fist». – New Haven, 2008; *Jansen M., Petrov N.* Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Ezhov, 1895–1940. – Stanford, 2002; *Werth N.* The Mechanism of a Mass Crime: The Great Terror in the Soviet Union, 1937–1938 // *The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective* / ed. R. Gellately, B. Kiernan. – Cambridge, 2003. – P. 215–39; *Snyder T.* Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. – New York, 2010. – P. 59–118; *Петров Н.* Палачи. Они выполняли заказы Сталина. – М., 2011; *Stalinist Terror: New Perspectives* / ed. Getty J., Manning R. – Cambridge, 1993; *Goldman W.* Terror and Democracy in the Age of Stalin: The Social Dynamics of Repression. – Cambridge, 2007; *Goldman W.* Inventing the Enemy: Denunciation and Terror in Stalin's Russia. – Cambridge, 2011; *Davies S.* Popular Opinion in Stalin's Russia. – Cambridge, 1997. – P. 124–144; *Fitzpatrick S.* Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. – Oxford, 1994. – P. 286–312; *Fitzpatrick S.* Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. – Oxford, 1999. – P. 190–217.

³ Есть, конечно, исключения. Смотрите, например, исследования: *Ватлин А.* Террор районного масштаба. «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. – М., 2004; *Телляков А.* Персонал

стве и суд по делу Георгия Кочергинского, который с ноября 1937 г. до августа 1938 г. служил начальником дорожно-транспортного отдела (ДТО) ГУГБ НКВД Северо-Донецкой железной дороги (СДЖД), свидетельствует, что ситуативные факторы, прежде всего страх наказания и желание добиться одобрения начальства, играли значительную роль в мотивации участия сотрудников НКВД в массовых нарушениях законности во время сталинских репрессий⁴. Идеология, разумеется, также играла роль⁵. Сам Кочергинский не сомневался в том, что Советский Союз, в целом, и подведомственное хозяйство самого Кочергинского, в частности, были «наводнены» классовыми врагами. Материалы, однако, не позволяют сказать, что подчинённые Кочергинского разделяли подобные представления. В то же

и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 гг. // *Минувшее. Исторический альманах*. – М.–СПб., 1997. – Вып. 21; *Он же*. Машина террора. ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. – М., 2008; *Viola L.* The Question of the Perpetrator in Soviet History // *Slavic Review*. – 2013. – № 1 (72). – P. 1–23.

⁴ Ситуативные факторы означают характеристики непосредственного социального контекста, влияющие на индивидуальное поведение. О роли ситуативных факторов в формировании поведения человека смотрите классическое исследование социально-психологической литературы о «ситуационизме»: *Milgram S.* Obedience to Authority. An Experimental View. – New York, 1974; *Haney C., Banks W.C., Zimbardo P.G.* Study of prisoners and guards in a simulated prison // *Naval Research Reviews*. – 1973. – № 30. – P. 4–17; *Asch S.E.* Effects of group pressure on the modification and distortion of judgments // *Groups, leadership and men* / ed. H. Guetzkow. – Pittsburgh, 1951. – P. 177–190. См. также: *Zimbardo P.* The Lucifer Effect. Understanding How Good People Turn Evil. – New York, 2008. – P. 258–296; *James Waller.* Becoming Evil: How Ordinary People Commit Genocide and Mass Killing. 2nd ed. – Oxford, 2007. – P. 236–257; *Newman L.* What Is a «Social-Psychological» Account of Perpetrator Behavior? The Person Versus the Situation in Goldhagen's Hitler's Willing Executioners // *Understanding Genocide: The Social Psychology of the Holocaust* / ed. T. Blass. – New York, 2002; – P. 43–67; *Blass T.* Perpetrator Behavior as Destructive Obedience: An Evaluation of Stanley Milgram's Perspective, the Most Influential Social-Psychological Approach to the Holocaust // *Understanding Genocide: The Social Psychology of the Holocaust* / ed. T. Blass. – New York, 2002. – P. 91–109.

⁵ О роли идеологии или мировоззрения в формировании поведения человека с точки зрения социальной психологии см.: *James Waller.* Becoming Evil: How Ordinary People Commit Genocide and Mass Killing. – P. 202–229.

время, как показывает это исследование, ситуативные факторы, прежде всего боязнь стать жертвой охоты на классовых врагов, развернувшейся в НКВД, сыграли роль в мотивации действий и самого Кочергинского.

Георгий Кочергинский родился в Латвии в 1898 г.⁶ Происхождения он был самого скромного: отец-еврей работал багорщиком на лесопилке в Риге, мать, то ли немка, то ли эстонка, давала уроки немецкого языка и рукоделия⁷. Родители Кочергинского либо были в разводе, либо никогда официально не регистрировали свой брак; своего отца и отчима он практически не знал. Возможно, из-за тяжести воспитания двух малолетних детей или с целью помочь своему сыну получить профессию, мать Кочергинского отослала его в возрасте восьми лет жить с её братом, Альбертом Лехтом, работавшим электриком на Рижской электростанции. Вскоре Лехт, который взял мальчика учеником и оплачивал его учёбу в реальном училище, стал одним из двух наиболее влиятельных людей в жизни молодого человека. Кроме того, Лехт познакомил Кочергинского с другим человеком, повлиявшим на него в детстве, давним марксистом по имени Ульрих, который подготавливал молодых рабочих к учёбе в реальном училище⁸.

Хотя Кочергинский участвовал в кружке, который Ульрих организовал для своих учеников, и познакомился с некоторыми членами РСДРП, учение более занимало его, чем политика. При поддержке Лехта и Ульриха Кочергинский сдал экзамены за пятый, шестой и седьмой классы реального училища и после двух лет ученичества стал электриком на электростанции в Риге⁹.

Дисциплина, ум и умение преодолевать трудности пригодились Кочергинскому в 1916 г., когда он был арестован по подозрению в распространении на электростанции революци-

---

⁶ Галузевий державний архів СБУ (далі – ГДА СБ України), ф. 5, спр. 67988, т. 5, арк. 316.

⁷ Там само, арк. 20, 23.

⁸ Там само, арк. 24, 40.

⁹ Там само, арк. 23, 40 зв., 41.

онных первомайских листовок. Хотя на самом деле он не участвовал в случившемся, его уволили с работы. Обеспокоенный потерей средств к существованию, Кочергинский стал готовиться к вступительным экзаменам в Рижский политехнический институт и успешно сдал их три недели спустя¹⁰.

Поскольку рижские высшие учебные заведения были эвакуированы во время Первой мировой войны, Кочергинский переехал в Москву, где продолжил студенческие занятия, а также давал частные уроки и работал механиком на спичечной фабрике. В тот момент Кочергинский был на пути к хотя всё ещё довольно скромному, но лучшему жизненному положению. События 1917 г. драматически изменили ход его жизни. После того, как старый режим пал, а политехнический институт закрылся, Кочергинский вернулся на прежнюю работу на Рижскую электростанцию. В сентябре, когда немцы вошли в Ригу, он вступил в партию большевиков. В начале 1918 г., простым солдатом, в составе интернационального батальона им. Карла Либкнехта покинул Ригу. Через шесть месяцев он стал политкомиссаром¹¹.

Мало информации об участии Кочергинского в гражданской войне, хотя этот опыт должен был иметь формирующее значение для его личности. Кочергинский отличился и получал ответственные назначения, которые в обычное время были бы недостижимы для молодого еврея-электрика из Латвии. Всего через три года с момента его ухода солдатом из Риги, Кочергинский в возрасте двадцати трёх лет уже был заместителем председателя революционного трибунала 3-й стрелковой дивизии Харьковского военного округа¹². Его работа в трибунале, по меньшей мере, способствовала приобщению к опыту упрощённого судопроизводства по отношению к реальным и вымышленным врагам большевистского режима: иностранным агентам, крестьянским анархистам, украинским националистам, контрреволюционерам и классовым врагам.

---

¹⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 23–24 зв.

¹¹ Там само, арк. 25.

¹² Там само, арк. 25 зв.

Помимо ответственных назначений в Красной армии, ещё одним свидетельством признания служебных заслуг Кочергинского стало назначение, последовавшее после демобилизации в 1921 г. Ему не пришлось самому выживать и пробиваться в жизни в стране, где царила экономическая разруха, так как его сразу взяли на службу в Крымскую ЧК¹³. Так началась его семнадцатилетняя карьера в советских органах госбезопасности.

Как и другие преуспевающие чекисты, Кочергинский занимал разные административные должности. После 4-х лет работы в Крыму, он 2 года провёл в г. Владивосток и резидентуре ОГПУ СССР в Манчжурии. В 1927 г. начался его 9-летний срок службы на Кубани, Дону и Северном Кавказе, где он работал на ответственных должностях в Краснодаре, Шахтах, Ростове и Пятигорске. Это были приоритетные регионы, и в результате назначений в оперативные и специальные отделы ОГПУ Кочергинский оказался в центре важных операций против «врагов Советской власти»¹⁴.

То, что у Кочергинского была репутация чекиста, на которого можно положиться в борьбе с классовыми врагами, подтверждают события, произошедшие после того, как в сентябре 1936 г. И. Сталин назначил Н. Ежова главой НКВД. После нескольких месяцев службы на посту начальника отдела контрразведки Курского УНКВД Кочергинский, по окончании февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б), был вызван в Москву и назначен в специальную бригаду НКВД, которую возглавил начальник 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР Л. Г. Миронов. Согласно лаконичной формулировке приказа НКВД от 4 апреля 1937 г., перед бригадой Миронова стояла миссия

«выявления и разгрома шпионско-вредительских троцкистских и иных групп на железных дорогах [...] и в армии» в Сибири и на Дальнем Востоке¹⁵.

¹³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 25 зв.

¹⁴ Там само, арк. 43.

¹⁵ Там само, арк. 43–43 зв. Приказ НКВД СССР. 04.04.37. Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/gb327.htm> (дата обращения 26.02.2014 г.)

Создание «бригады Миронова» свидетельствовало о беспокойстве руководства Компартии, что дальневосточные и сибирские региональные руководители не смогут искоренить классовых врагов, которые, по мнению Центра, проникли в местную номенклатуру. После прибытия в Хабаровск 23 апреля 1937 г. бригада осуществила массовые аресты, в том числе и сотрудников местных органов НКВД, показывая пример и распространяя так называемые новые методы следственной работы. Вскоре они стали отличительной чертой массовых операций 1937–1938 гг.: физические и психологические пытки, фальсификации протоколов допросов для выявления и ликвидации «сети подпольных антисоветских террористических организаций» и т. д.¹⁶

Позже Кочергинский хвастался своим участием в бригаде Миронова и ссылался на этот опыт в оправдание своих действий. В Хабаровске он возглавлял группу следователей, выбивавших признательные показания о шпионаже из руководителей дальневосточного УНКВД¹⁷. Этот период его деятельности оказал на него большое влияние. Впоследствии Миронов попал под подозрение и был арестован в июне 1937 г.¹⁸ Однако Кочергинский как-то признался одному из своих коллег, что обязан Миронову, что тот «многому хорошему научил его» во время совместной работы в Хабаровске¹⁹.

Когда в ноябре 1937 г. Кочергинский покинул Москву с новым назначением на пост руководителя дорожно-транспортного отдела ГУГБ НКВД СРСР Северо-Донецкой железной дороги, он считал, что был выбран Н. Ежовым для того, чтобы в Артёмовске сделать то, что бригада Миронова сделала в Хабаровске – превратить скомпрометировавший себя местный аппарат НКВД в эффективную организацию.

¹⁶ Черноруцкая Е.Н. Приказ НКВД № 00447 «об операции по репрессированию ... антисоветских элементов». Дальний Восток, 1937–1938 гг. // Россия и АТР. – 2005. – № 3. – С. 56.

¹⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 246.

¹⁸ Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/gb327.htm> (дата обращения 26.02. 2014 г.).

¹⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 103–104.

Кочергинский не входил в круг близких людей Миронова, но у него были влиятельные покровители в НКВД. Эти отношения проливают свет на систему патронажа, в которую входил этот чекист, и свидетельствуют о значении, которое покровительство оказало на формирование его профессиональных качеств. Покровители Кочергинского в НКВД были скромного, в основном еврейского происхождения, которым в 1920–1930-е гг. удалось занять важные руководящие должности в Крыму и на Северном Кавказе. Наиболее значимым среди них был И. Я. Дагин, обеспечивавший безопасность советских руководителей в период с 1936 по 1938 гг. в качестве начальника 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Будучи заместителем начальника крымского ЧК в 1921 г., Дагин взял Кочергинского на работу после демобилизации из Красной армии. Они вместе работали в течение следующих 13 лет, особенно во время кровавой коллективизации на Северном Кавказе. Кочергинский свидетельствовал:

«В лице ДАГИНА я видел всегда для себя образец чекиста-коммуниста. Под руководством ДАГИНА я начал свою чекистскую работу. На Сев[ерном] Кавказе я был продвинут к награде значком “Почётного чекиста”, который и получил в 1935 г. Им же я был представлен к получению звания капитана Гос[ударственной] б[ез]о[пасности], единственным из числа замов Начальников отделов НКВД».

И после перевода Дагина в Москву Кочергинский оставался с ним в тесном контакте, спрашивая его мнения и совета²⁰.

В число покровителей Кочергинского также входили: А. П. Радзивиловский, под начальством которого он служил в Крыму; М. Л. Гатов, с которым он служил на Северном Кавказе; Г. Ф. Горбач, с которым он тесно работал в представительстве ОГПУ в Шахтах и Донецке во время Голодомора²¹. Горбач, ко-

²⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 44. Дагина арестовали через три месяца после Кочергинского. Во время ареста Дагин всё ещё работал начальником службы по обеспечению безопасности советского руководства. Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/gb129.htm> (дата обращения 27.02.2014 г.).

²¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 43, 44. Радзивиловский был арестован менее чем через месяц после ареста Кочергинского, находясь на

торый происходил из украинских крестьян и отличился при Н. Ежове среди региональных руководителей НКВД особой жестокостью, был о Кочергинском высокого мнения. Поэтому накануне массовых операций добивался его назначения на должность своего заместителя в Западносибирском УНКВД²².

Кочергинский брал пример и учился бесчеловечности у Дагина, Горбача и Миронова. Кроме того, почти наверняка его действия были продиктованы страхом. По возвращении в Москву с Дальнего Востока в октябре 1937 г., Кочергинский узнал о доносе его якобы противодействию генеральной линии партии и поддержке в 1928 г. троцкистов. После допроса по факту этих обвинений Кочергинский встретился с Дагиным, а тот позвонил начальнику 6-го (транспортного) отдела ГУГБ НКВД СССР М. А. Волкову. В тот же вечер Волков отменил расследование по делу Кочергинского и подтвердил его назначение на должность начальника дорожно-транспортного отдела НКВД в Артёмовске в Украине²³. Принимая во внимание атмосферу того времени, можно утверждать: то, что Кочергинский знал об обвинении в троцкизме, несомненно послужило для него дополнительным стимулом, чтобы, безжалостно искореняя врагов на новом посту, доказать свою верность партии.

Мотивацией к рвению могла стать и определённая уязвимость биографии Кочергинского: он вырос в Латвии, в Риге у него оставались близкие родственники. Массовая операция НКВД против «латвийских шпионов» началась 30 ноября 1937 г.

посту начальника 3-го отдела 3-го управления НКВД СССР. Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/gb406.htm> (дата обращения 25.02.2014 г.). Гатов был арестован через четыре месяца после Кочергинского на посту и. о. начальника 4-го отдела ГЭУ НКВД СССР. Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/gb94.htm> (дата обращения 27.02.2014 г.).

²² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 43. Горбач был арестован через три месяца после Кочергинского, находясь на посту начальника ОО ГУГБ НКВД ОКДВА. О Горбаче см.: *Чернолуцкая Е.Н.* Приказ НКВД № 00447. – С. 58; также: режим доступа: <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/gb107.htm> (дата обращения 27.02.2014 г.).

²³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 2, 44–44 зв.

и была продлена постановлением политбюро ЦК ВКП(б) 31 января 1938 г.²⁴ Весной 1938 г. на районной партийной конференции Кочергинский зачитал свою биографию. Когда он упомянул о своих латвийских корнях, делегаты, по его собственным словам, «насторожились», что ему было крайне неприятно видеть. Тогда же нарком внутренних дел УССР А. Успенский приказал очистить ряды НКВД от работников, имевших связь с границей. Эти события заставили Кочергинского задуматься о том, не сочтены ли его дни в НКВД. Летом 1938 г. он поделился этими опасениями с Дагиным, но тот заверил его, что причин для паники нет²⁵.

Кочергинский прибыл на службу в Артёмовск 15 ноября 1937 г.²⁶ По состоянию на предыдущий месяц дорожно-транспортный отдел ГУГБ НКВД СРСР в Артёмовске и его районные отделения провели 165 арестов в рамках проводимых массовых операций²⁷. На первом же собрании с подчинёнными Кочергинский подчеркнул, что результаты его не впечатлили. Похвастав, что он – старый большевик и опытный чекист, которого лично Н. Ежов послал «для укрепления аппарата ДТО Северо-Донецкой железной дороги», Кочергинский уведомил подчинённых о том, что плохие результаты их работы делают их самих «пособниками» врагов народа. Потребовав получать признательные показания в течение 24-х часов вместо отпущенных 3–5

---

²⁴ Режим доступа: http://www.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/xronika.html#y1 (дата обращения 18.03.2014 г.)

²⁵ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 1, 44–45. Кочергинский потерял связь с матерью и сестрой после того, как покинул Ригу в 1918 г. Несколько лет они искали его, и только в 1934 г., получив открытку от матери, Кочергинский ответил, что с ним всё в порядке, и объяснил, что он не сможет больше писать. Некоторое время спустя в том же году Кочергинский увидел сестру на Курском вокзале Москвы. Она приехала в Москву в составе делегации рабочих. Они разговаривали два часа. Кочергинский предварительно получил разрешение начальства на то, чтобы ответить на открытку матери и поехать в Москву на встречу с сестрой. Кроме этих двух случаев, у Кочергинского не было никаких других контактов с родственниками, жившими в Риге. См.: Там само, арк. 25 зв. – 28.

²⁶ Там само, т. 5, арк. 228.

²⁷ Там само, арк. 277–281.

дней, он также пообещал применять особые следственные методы, освоенные им в Хабаровске, где, по его утверждению, он лично арестовал и расстрелял начальника Дальневосточного НКВД Т. Д. Дерибаса²⁸.

Кочергинский сдержал своё обещание. Через несколько дней после его прибытия в Артёмовск прошли массовые аресты железнодорожных рабочих и служащих. Для получения признаний в совершении таких тяжких преступлений, как саботаж и шпионаж, Кочергинский применял методы бригады Миронова: систематическое избивание и серийный допрос арестованных; создание специальных камер, где те, кто отказался давать признательные показания, должны были стоять в течение нескольких дней без отдыха; фальсификацию протоколов допросов. Хотя нарушения советского уголовно-процессуального порядка случались и до приезда Кочергинского в Артёмовск, теперь они стали обыденным явлением²⁹.

«До его прихода [...] такой практики допросов не было», – свидетельствовал оперативный уполномоченный (ОУ) ДТО СДЖД В. М. Ивченко,

«[...] начиная с ноября месяца 1937 г. и по февраль 1938 г. побои арестованных приняла широкий размах как в ДТО, так и по О[тделениям] ДТО»³⁰.

Кочергинский добивался внедрения нового порядка ведения следствия различными методами. Прежде всего, личным примером. Почти с первого дня прибытия в Артёмовск он врвался в кабинеты следователей и, если признание не было получено, начинал бить арестованного. После неоднократных избиваний подсудимого, который отказывался признать, что был членом контрреволюционной группы, измождённый Кочергинский рывкал на злосчастного следователя:

«Что, ты в гостях? – Бей!»³¹.

²⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 159–160, 246–247.

²⁹ Там само, арк. 82, 90, 107 зв., 161, 164, 171–173; т. 5, арк. 20 зв., 215.

³⁰ Там само, т. 3, арк. 82.

³¹ Там само, арк. 83–84.

Хотя формально он не отдавал приказа массово избивать подозреваемых – на некоторых собраниях он предусмотрительно заявлял, что «избиение» можно применять с его собственного разрешения или разрешения его заместителя³². Однако Кочергинский давал понять о своих ожиданиях, например, говоря подчинённым, которые только что наблюдали его рукоприкладство:

«Вот как надо допрашивать и получать показания».

По свидетельству заместителя начальником ДТО СДЖД К. В. Матвеева:

«[...] такой показ, разумеется, развязывал руки следователей»³³.

Кроме того, Кочергинский отдавал директивы по ускорению следствия, что стимулировало фальсификацию дел следователями. Во время руководства операцией в ОДТО на ст. Дебальцево в январе 1938 г. Кочергинский объявил, что «социально чуждые элементы» могут быть арестованы и без доказательств антисоветской деятельности. Он распространил образец показаний, который, по его мнению, представлял идеальное «кулацкое признание», и настоятельно требовал, чтобы следователи использовали его в качестве эталона. Он настаивал на отборе свидетелей из числа доверенных партийцев, требовал, чтобы их показания были «резкими, т. к. все дела пойдут на тройку». Он давал ясно понять, что только осуждение и смертный приговор были приемлемы³⁴.

Более того, Кочергинский давал чёткие указания по части обеспечения свидетельских показаний. Свидетелям следовало говорить, что подозреваемого уже разоблачили как врага народа и что НКВД нуждается лишь в подтверждении «пораженчества, террористических намерений и антисоветской агитации» арестованного. Колеблющихся свидетелей следовало заставить в том, что их не вызовут в суд, так как все дела будут

---

³² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 1, арк. 112–113; т. 5, арк. 227, 321; т. 3, арк. 161.

³³ Там само, т. 3, арк. 107 зв.

³⁴ Там само, т. 1, арк. 151; т. 3, арк. 80, 86, 98, 135.

слушаться во внесудебном порядке. Упорствующим свидетелям следовало говорить, что они являются «пособниками врагов народа» и что их отказ способствовать борьбе НКВД с «врагами народа» будет иметь пагубные последствия³⁵.

Для того, чтобы узаконить свои приказы, Кочергинский ссылался на авторитет Москвы, а для создания ощущения чрезвычайности использовал военную терминологию. Неоднократно на оперативных совещаниях с подчинёнными он утверждал, что нарком внутренних дел Н. Ежов заявил о том, что скрытое советское участие в войнах в Испании и Китае, угроза нападения Германии и Японии требуют от советского руководства очистить страну от пяти миллионов внутренних врагов, не считая тех двух миллионов, которые, как утверждал Кочергинский, были ликвидированы в 1937 г.³⁶ Разоблачение «вооружённых повстанческих организаций» на Дальнем Востоке и в Казахстане, по его мнению, служило ещё одним подтверждением необходимости быстрых и решительных действий³⁷.

Кочергинский высмеивал и угрожал тем подчинённым, которые не могли добиться результатов. Следователей, которые не выполнили квоты (разнарядки) на аресты или не смогли получить признательные показания, Кочергинский особо выделял на заседаниях, обвинял их в пособничестве врагу и угрожал арестом и исключением из партии³⁸.

«Путём запугивания КОЧЕРГИНСКИЙ понуждал сотрудников УГБ выполнять его [...] указания», –

вспоминал оперуполномоченный ОДТО ст. Дебальцево П. А. Гуенок³⁹. Другой дебальцевский оперуполномоченный А. С. Ходарев свидетельствовал:

«Терроризация сотрудников КОЧЕРГИНСКИМ была сделана так, что из сотрудников никто не мог ничего сказать [...]. КОЧЕРГИНСКИЙ заявил, что “я прислан из Москвы и име[ю] особые

³⁵ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 50–51.

³⁶ Там само, арк. 47, 103, 110, 139, 248, 286; т. 5, арк. 144.

³⁷ Там само, т. 3, арк. 110 зв., 286.

³⁸ Там само, арк. 51, 106–107, 246–248, 159–160, 162; т. 1, арк. 150.

³⁹ Там само, т. 1, арк. 304.

полномочия (*sic*), что я хочу, то и делаю, а вы выполняйте мои приказания, и можете жалиться (*sic*) на меня Наркому»⁴⁰.

Кочергинский использовал угрозы, чтобы заставить замолчать несогласных, в частности, в тех случаях, когда подчинённый протестовал против квот (разнарядок) на бесосновательные аресты, высказывал сомнения в виновности подозреваемого или достоверности признания⁴¹.

«Работников ДТО и ОДТО КОЧЕРГИНСКИЙ форменным образом терр[ор]из[ир]овал [...]. С первых же дней прибытия на должность начальника ДТО он поставил себя как человека, которому никто не должен возражать и критиковать его действия», – вспоминал заместитель начальника ДТО СДЖД К. В. Матвеев⁴². Ему вторил оперуполномоченный ДТО СДЖД В. М. Ивченко:

«КОЧЕРГИНСКИЙ создал обстановку зажима, и к нему в кабинет боялись работники зайти, если у кого-либо и возникало сомнение в виновности какого-либо арестованного»⁴³.

Любой следователь, который считал, что подозреваемого следует освободить, высмеивался как «либерал», «оппортунист», или «пособник врага»⁴⁴. Вскоре после того, как заместитель начальника ДТО СДЖД К. В. Матвеев доложил начальнику УНКВД УССР по Сталинской области Д. М. Соколинскому о массовых случаях избийений в ДТО СДЖД, Кочергинский вызвал Матвеева к себе в кабинет и заявил:

«Мне непонятно твоё поведение. Ты не понимаешь большевизма»⁴⁵.

Узнав, что начальник 5-го отделения ДТО СДЖД Г. И. Тимошек сомневался в правдоподобности признания подозреваемого, Кочергинский «многозначительно» сказал:

«У Вас настроения нехорошие»⁴⁶.

⁴⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 79.

⁴¹ Там само, арк. 85, 99–100, 102, 110.

⁴² Там само, арк. 106.

⁴³ Там само, арк. 85.

⁴⁴ Там само, арк. 98–100.

⁴⁵ Там само, арк. 109.

⁴⁶ Там само, арк. 102.

Страх был мощным фактором мотивации.

«КОЧЕРГИНСКИЙ поставил большинство работников ДТО и ОДТО в положение безоговорочного выполнения его указания, а многие боялись угроз увольнения и ареста», –

вспоминал К. В. Матвеев⁴⁷. По словам Г. И. Тимошека, которого Кочергинский раскритиковал на собрании сотрудников за то, что тот не смог получить признательных показаний:

«При созданных Кочергинским условиях некоторые сотрудники прибегали к прямым преступлениям»,

т. е. массовой фабрикации дел⁴⁸. Помощник оперуполномоченного ОДТО ст. Дебальцево Н. М. Кузнецов, который был осуждён вместе с Кочергинским, признал, что он начал фальсифицировать дела после того, как услышал, как Кочергинский угрожал арестом дебальцевским оперуполномоченным А. С. Ходареву и Ф. Д. Бондарчуку, не выполнившим разрядки арестов⁴⁹. Другой дебальцевский оперуполномоченный убедительно описал атмосферу в ОДТО во время массовых операций в январе 1938 г.:

«Находясь здесь в Дебальцево и руководя операцией, Кочергинский форменным образом нас терроризировал, всех ругал площадной бранью, своим отношением к сотрудникам наводил ужас, никто из нас не был гарантирован от ареста, самого страшного оскорбления. Передать словами, что он творил с нами на совещаниях и отдельных встречах, невозможно. Гнуснее его поведения не бывает, и самое ужасное это то, что он спекулировал именем тов. ЕЖОВА [...]. Естественно, что оперативный состав выполнял директиву КОЧЕРГИНСКОГО, не подходил критически к судьбе арестованного, виновен ли он или нет, а брали всех попавших под руку, тех, на кого указывали лица, якобы их знающие как врагов»⁵⁰.

⁴⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 106, 107; т. 5, арк. 215.

⁴⁸ Там само, т. 3, арк. 101.

⁴⁹ Там само, т. 1, арк. 150.

⁵⁰ Там само, т. 3, арк. 145 зв. – 146. Аронович также критиковал начальника ОДТО ст. Дебальцево И. П. Игнатова за безоговорочное следование приказам Кочергинского во время массовых операций и за неспособность показать положительный пример своим подчинённым. См.: Там само, арк. 146 зв.

Помощник начальника ОДТО ст. Дебальцево И. В. Фадеев предоставил не менее яркое описание действий Кочергинского во время дебальцевской операции:

«В то время Кочергинский выглядел каким-то зверем, набрасывался на всех сотрудников и лез к каждому с кулаками, нанося всяческие незаслуженные оскорбления, угрожая всех перепустить через подвал, называя врагами народа»⁵¹.

Начальники отделений ДТО СДЖД и получали угрозы Кочергинского в свой адрес, и реализовывали их по отношению к другим. В январе 1938 г. на собрании, где обсуждались будущие массовые операции, Кочергинский объявил, что все немцы, поляки, латвийцы, греки и бывшие кулаки должны быть арестованы как шпионы. Отсутствие доказательств вины этих людей не должно было быть преградой для ареста, потому что, как заверил Кочергинский, имевшиеся в Москве документы доказывали их вину. Когда начальник ОДТО ст. Купянск А. В. Залозный и начальник ОДТО ст. им. Кагановича⁵² Синько высказались против, указав, что многие из этих людей занимают ключевые должности на железнодорожных станциях, Кочергинский в ответ рявкнул:

«Вы скрываете шпионов, не ищите их, а говорите, что у вас, допустим, работает 10 немцев, 15 поляков и т. д. Если после этой операции [...] я обнаружу, что будет работать немец или поляк на том или иным узле, то тогда на себя пеняйте – вас как нач[альников] ОДТО – посажу вместо их и буду допрашивать».

По словам начальника 2-го отделения ДТО Северо-Донецкой железной дороги М. А. Омельченко:

«После этого начались массовые беззакония, незаконные аресты лиц без наличия компрометирующих материалов и без санкции прокурора»⁵³.

Вернувшись после совещания в ОДТО на ст. им. Кагановича, Синько категорически приказал своим подчинённым:

«[...] без показаний не возвращаться».

---

⁵¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 150–151; т. 5, арк. 43.

⁵² Сейчас станция Попасная Луганской области.

⁵³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 165–166.

Когда подчинённый Синько, оперуполномоченный М. С. Кушвид, стал настаивать на освобождении подозреваемого, в отношении которого не было никаких доказательств вины, Синько сделал ему выговор:

«Вы не умеете работать, либеральничаете с врагом»⁵⁴.

Будучи свидетелями этого разговора, оперуполномоченный А. Ф. Воронин и другие сотрудники посчитали, что у них нет другого выбора, кроме как фальсифицировать протоколы допросов.

«Не желая заслуживать названия “покровителя врагов” и боясь ответственности в тот момент, – объяснил Воронин, – я и вынужден был так поступать, [...] хотя и знал, что это тоже преступление»⁵⁵.

Таким же образом и оперуполномоченный ОДТО ст. Красный Лиман А. П. Розенберг «стал на путь фальсификации показаний свидетелей и обвиняемых» после того, как начальник этого отделения П. Матвеев неоднократно требовал

«во чтобы то ни стало добыть на этих лиц компрометирующий материал»⁵⁶.

Поощрение служило таким же сильным фактором мотивации, как и страх. Кочергинский хвалил и материально награждал тех следователей, которые быстро получали признания арестованных⁵⁷. Как свидетельствовал оперуполномоченный ДТО СДЖД В. М. Ивченко, «Кочергинский всегда ставил в пример» следователей, которые выполняли дневную квоту на признательные показания, хотя

«[п]о честному это [задание было] выполнить физически невозможно»⁵⁸.

---

⁵⁴ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 154.

⁵⁵ Там само, арк. 154–154 зв.

⁵⁶ Там само, т. 1, арк. 102. Следует подчеркнуть, что никто из рядовых следователей, фальсифицировавших дела, не делал этого вследствие прямого приказа. Скорее, они фальсифицировали дела, чтобы избежать унижения и наказания, а также, как представляется, чтобы добиться одобрения начальства. См., напр.: Там само, арк. 103.

⁵⁷ Там само, т. 3, арк. 101, 171; т. 5, арк. 324 зв.

⁵⁸ Там само, т. 3, арк. 88. В разгар массовой операции в Дебальцево Кочергинский требовал, чтобы следователи получали от трёх до семи признательных показаний в день. См. также: Там само, арк. 101–102.

Когда помощник начальника ДТО СДЖД Н. И. Антоненко в январе 1938 г. позвонил Кочергинскому во время заседания в Дебальцево и доложил об «успехах» сотрудников ОДТО ст. Красный Лиман, Кочергинский отложил в сторону телефонную трубку и заявил:

«Вот видите, как надо работать, за сутки в Лимане АНТОНЕНКО расколол 28 человек».

Вернувшись к телефонному разговору, Кочергинский сказал Антоненко:

«Я тебя за это в жопу поцелую»⁵⁹.

После того, как массовая операция в Дебальцево завершилась, на квартире начальника Дебальцевского ОДТО И. П. Игнатова состоялся банкет, на котором Кочергинский наградил каждого следователя⁶⁰.

Кочергинский использовал методы социалистического соревнования, чтобы увеличить давление на подчинённых во время широкомасштабных арестов. Когда начальник ОДТО ст. Красный Лиман Синько позвонил Кочергинскому, чтобы доложить, что на ст. им. Кагановича было арестовано 100 человек, Кочергинский (сознательно преувеличивая) заявил, что в Дебальцево было арестовано в 5 раз больше. Синько тут же послал своих людей назад, чтобы провести ещё 100 арестов⁶¹. Помощник начальника ДТО СДЖД Н. И. Антоненко таким же способом оказывал давление на начальников отделений госбезопасности железнодорожных станций, говоря им, что они отстают в гонке по получению признательных показаний⁶².

Хотя его подчинённые редко получали прямые указания к нарушению уголовного судопроизводства, приказы Кочергинского создавали благоприятную атмосферу для совершения массовых нарушений социалистической законности. Дела на подозреваемых номенклатурных работников, которые долж-

---

⁵⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 170.

⁶⁰ Там само, арк. 174.

⁶¹ Там само, арк. 153.

⁶² Там само, арк. 175–176.

ны были отсылаются в Военную коллегия Верховного суда СССР, преднамеренно рассматривались областными «тройками». Вероятно, Кочергинский боялся, что показания, добытые путём жестокого избиения подозреваемых, скорее всего, «развалятся» при судебном рассмотрении в Москве⁶³. Разнарядки на аресты накануне массовой операции в январе 1938 г. были установлены, исходя из размера каждого железнодорожного узла (станции) и числа служащих, а не наличия компрометирующих материалов⁶⁴. Во время массовых операций Кочергинский настаивал на таких формулировках в следственных делах, которые приводили к расстрельным приговорам, и распространил образец признательных показаний, на который следователи опирались в составлении протоколов допроса⁶⁵. Кочергинский также приказал организовать специальные камеры-«отстойники». Арестованных, которые отказались признавать свою вину, заставляли стоять лицом к стене до тех пор, пока они соглашались подписать признание⁶⁶. В Дебальцево во время массовой операции в январе 1938 г. Кочергинский сказал следователям не отпускать свидетелей, пока не дадут обличающие показания, и объявил, что

«лица, попавшие в вагон [т. е. арестованные лица. – Дж. Р.], освобождению не подлеж[а]т»⁶⁷.

Подводя итог в вопросе о виновности Кочергинского в многочисленных нарушениях уголовно-процессуального законодательства СССР во время массовых операций в январе 1938 г. и в ответ на апелляцию Кочергинского в Военную коллегия Вер-

⁶³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 90–91, 162–163.

⁶⁴ Там само, т. 5, арк. 130 зв.

⁶⁵ Там само, т. 3, арк. 88–89, 97–98, 135; т. 5, арк. 322 зв.

⁶⁶ Там само, т. 3, арк. 186; т. 5, арк. 131. Кочергинский впервые узнал как использовать «отстойники» для получения признаний, работая в бригаде Миронова. См.: Там само, т. 5, арк. 322 зв. Для наблюдения за заключёнными в «отстойниках», из-за нехватки сотрудников, Кочергинский мобилизовал непроверенных коммунистов и комсомольцев, что привело к распространению слухов среди населения о существовании таких камер. Это было нарушением норм секретности в НКВД.

⁶⁷ Там само, т. 5, арк. 323.

ховного суда СССР, председатель Военного трибунала войск НКВД П. Ф. Гурьев написал:

«Верно то, что прямых указаний Кочергинский на фальсификацию по делам не давал, но создавал для этого все условия (в 3 дня оформить 33 дела и т. п.[,] восхваления отличившихся в быстром “оформлении” и быстрых “расколах”, при существовании “отстойника” и принуждений, угрозы оперработникам за кажущуюся медлительность)»⁶⁸.

Стараясь ещё более подчеркнуть значение «фактора Кочергинского», Гурьев добавил:

«В более редких случаях насилия применялись там, где не было Кочергинского – об этом можно сделать вывод из материалов судебного и предварительного расследования»⁶⁹.

Дело Кочергинского показывает, в какой степени ситуативные факторы и, прежде всего, страх наказания и стремление к одобрению, мотивировали рядовых оперативных сотрудников НКВД к нарушению законности во время массовых репрессий. Это не означает, что идеология не играла важную роль. Кочергинский ничуть не сомневался, что классовые враги угрожали существованию СССР и должны были быть ликвидированы перед вступлением страны в войну. Опыт упрощённого судопроизводства, который он получил, будучи членом Харьковского ревтрибунала во время гражданской войны и сотрудником ОГПУ во время коллективизации на Северном Кавказе, как и опыт разоблачения «террористических заговоров высокопоставленных лиц» во время работы в бригаде начальника контрразведывательного отдела ГУГБ НКВД СССР Л. Г. Миронова на Дальнем Востоке, подготовили Кочергинского к принятию идеи о вездесущности врага, его замаскированности и опасности. Тем не менее, действия самого Кочергинского во время массовых репрессий были мотивированы ситуативными фактора-

---

⁶⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 5, арк. 367 зв.

⁶⁹ Там само, арк. 367. Хотя и сказанное в собственных корыстных интересах, заслуживает внимания свидетельство начальника ОДТО на ст. Дебальцево И. П. Игнатова: «До приезда Кочергинского в Дебальцево сотрудники ОДТО не знали избития арестованных». См.: Там само, т. 3, арк. 181 зв.

ми, в частности, знанием того, что его обвиняли в троцкизме, а также тем, что его связь с Латвией делала его уязвимым во время внутренних чисток в НКВД. Доказательства «грубых нарушений социалистической законности», выявленные во время следствия и судебного процесса над Кочергинским, ясно свидетельствуют, что ситуативные факторы играли главную роль, мотивируя рядовых сотрудников НКВД участвовать в вопиющих нарушениях уголовно-процессуального законодательства, в том числе массовой фальсификации дел, пытках подозреваемых и принуждении свидетелей. Кочергинский мотивировал своих подчинённых, безудержно хваля тех, кто перевыполнял явно невыполнимые квоты и, что более важно, создавая атмосферу террора внутри всего управления и всех отделений ДТО Северо-Донецкой железной дороги.

***Росман Джеффри Дж. Справа Георгія Кочергінського:
роль ситуативних чинників в мотивації
«грубих порушень соціалістичної законності»***

На прикладі розслідування діяльності начальника дорожньо-транспортного відділу ГУДБ НКВС Північно-Донецької залізниці Г. Кочергінського досліджується мотивація участі співробітників держбезпеки у «Великому терорі» 1937–1938 рр. Вказується, що ситуативні чинники були важливим фактором участі співробітників НКВС у масовій фальсифікації справ, катуванні підозрюваних і примушуванні свідків.

Ключові слова: НКВС, політичні репресії, ситуативний фактор, Донбас.

***Rossman Jeffrey J. The Case of Georgy Kocherhinsky:
The Role of Situational Factors in the Motivations
for the «Major Breach of the Socialist Legitimacy»***

On the example of the investigation of the activity of the chief of the road transport department of HUDB NKVD of North Donetsk railway, Georgy Kocherhinsky, author studied motivation for the participation of state security officers in the Great Terror in 1937–1938. It is claimed that situational factors were an important factor in the participation of the NKVD mass falsification of cases, of torture suspects and forcing witnesses.

Key words: NKVD, political repressions, situational factors, Donbass.